

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.47>

Иванов Дмитрий Игоревич

**"Силы освобожденные, но не преображенные": когнитивная автоинтерпретация
"революционного рок-эксперимента"**

В статье на материале текстов русского рока в рамках оригинальной авторской методологии впервые проанализирован совокупный когнитивный опыт творцов "революционного рок-эксперимента" рубежа 1980-1990-х годов. Этим определяется научная новизна исследования. Цель исследования - раскрыть специфику деструктивности "революционного романтизма" отечественной рок-культуры. Полученные результаты показали, что в условиях контркультурной среды когнитивно-прагматическая программа (КПП) рок-поэтов строится на контрасте глобальной возвышенной цели и неудовлетворительного "итога". Ключевые категории революционно-романтического сознания (победа, вера, добро, борьба) перекодируются, а сами рок-поэты фиксируют различные формы и фазы разрушения (вплоть до суицидальности и абсурдности) "героической" КПП.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/7/47.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 7. С. 238-243. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

11. **Dictionnaire Larousse** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais> (дата обращения: 03.04.2020).
12. **Druon M.** La Chute des corps. P.: Livre de poche, 1969. 382 p.
13. **Gary R.** Adieu Gary Cooper. P.: Gallimard, 1969. 252 p.
14. **Le Clézio J. M. G.** Onitsha. P.: Gallimard, 1991. 256 p.
15. **Rollinat M.** La bibliothèque [Электронный ресурс]. URL: https://fr.wikisource.org/wiki/La_Bibliothèque (дата обращения: 06.04.2020).

Conditions of Text Interpretation (by the Material of the French Language)

Voskoboinikova Lyudmila Petrovna, PhD

Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov
vosklud@yandex.ru

The aim of the article is to identify conditions essential to comprehensive understanding of literary text as a complex multi-coded entity. As such conditions the author considers a reader's encyclopaedic knowledge, social-ideological attitudes and different interpretation strategies dependent on the knowledge systems engaged in the analysis, as well as various changes in the semantics of lexical units influenced by the context of a literary work. Scientific novelty of the study lies in the chosen approach to the analysis, namely in comprehensive consideration of the aforementioned conditions. The attained results have demonstrated that the meaning of literary text is not pre-determined by default, one must take into account a full spectrum of factors while deducing it.

Key words and phrases: interpretation; encyclopaedic knowledge; psychoanalytic and sociological text interpretation; mythopoetics; mythologeme; sememe; seme actualisation/neutralisation.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.47>

Дата поступления рукописи: 20.05.2020

В статье на материале текстов русского рока в рамках оригинальной авторской методологии впервые проанализирован совокупный когнитивный опыт творцов «революционного рок-эксперимента» рубежа 1980-1990-х годов. Этим определяется научная новизна исследования. Цель исследования – раскрыть специфику деструктивности «революционного романтизма» отечественной рок-культуры. Полученные результаты показали, что в условиях контркультурной среды когнитивно-прагматическая программа (КПП) рок-поэтов строится на контрасте глобальной возвышенной цели и неудовлетворительного «итога». Ключевые категории революционно-романтического сознания (победа, вера, добро, борьба) перекодируются, а сами рок-поэты фиксируют различные формы и фазы разрушения (вплоть до суицидальности и абсурдности) «героической» КПП.

Ключевые слова и фразы: когнитивно-прагматическая программа (КПП); синтетическая языковая личность (СЯЛ); деструктивность; революция; симуляция; саморазрушение; «героическая эпоха» русского рока.

Иванов Дмитрий Игоревич, к. филол. н., доц.

Институт русского языка Сианьского университета иностранных языков, Китайская Народная Республика
Ivanb10@yandex.ru

«Силы освобожденные, но не преобразенные»: когнитивная автоинтерпретация «революционного рок-эксперимента»

Главной темой (по крайней мере, одной из главных) любой революции в творческом сознании ее деятелей «от культуры» является она сама. Однако собственно когнитивный план данной проблематики до сих пор мало изучен. *Актуальность* данной работы обусловлена тем, что в современной науке до сих пор остается нерешенным вопрос о специфике когнитивно-ментальных трансформаций целевых, самоидентификационных и инструментально-операциональных установок сознания творческой личности (рок-поэта) в контексте когнитивной автоинтерпретации своих конструктивно-деструктивных революционно-креативных практик. На наш взгляд, изучение этого вопроса позволит по-новому взглянуть не только на специфику философско-эстетических систем ведущих рок-поэтов (К. Кинчева, Е. Летова, Ю. Шевчука и др.), но и более точно определить значение и культурный статус «революционного» рок-движения в целом. Этот факт определяет *практическую значимость* работы. Результаты данной работы могут быть использованы в рамках литературоведческих, лингвокультурологических, социокогнитивных, лингвокогнитивных исследований, посвященных изучению творческой личности рок-поэта и дискурсивного пространства русской рок-культуры, органически вписанного в общий контекст культуры конца XX века.

Для определения парадоксально-деструктивной природы когнитивно-ментальной стратегии самоосмысления «революционного рок-эксперимента» творцами «героической эпохи» русского рока, которые сыграли значительную роль в «революционизации» общественного сознания, идейно и эмоционально готовя массы (прежде всего молодежь) к культурно-историческому «транзиту» рубежа 1980-1990-х годов, необходимо решить ряд конкретных *задач*: 1) определить общую направленность когнитивно-прагматической программы (КПП) представителей русского рока на рубеже 1980-1990-х годов; 2) раскрыть истинный когнитивно-ментальный статус рок-поэта

(«революционного субъекта») в рамках «героической» версии рок-эстетики; 3) описать процесс симулятивно-деструктивной нейтрализации конструктивного содержания ключевых для рок-революции категорий *победа, вера, добро, сострадание, свобода*; 4) выявить общую логику деструктивизации и целевой дезориентации «революционного рок-эксперимента».

Для успешной реализации данных задач используется междисциплинарный подход, синтезирующий в себе широкий спектр лингвокультурологических и социогногитивных *методов исследования*, основу которых составляет успешно зарекомендовавший себя в изучении рок-культуры авторский теоретико-методологический комплекс СТ / СЯЛ / КПП, где 1) СТ (синтетический текст) – «текст с четкой внешней маркировкой своей гетерогенности и процессуальности, результат смешанного семиозиса... целостная полисемиотическая система, стержнем которой является синтетическая языковая личность (СЯЛ), структурно и семантически организующая входящие в СТ субтексты как свои компоненты»; 2) КПП (когнитивно-прагматическая программа) – «опорная система когнитивно-прагматических установок (КПУ). <...> Концепция КПП... исходит из целенаправленной “программируемости” любой содержательной человеческой деятельности, которую можно семиотически прочесть как текст. <...> Если СЯЛ можно интерпретировать как семиотически понимаемый *текст субъекта в культуре*, то *смысл* этого *текста субъекта* воплощается именно КПП» [8, с. 40, 49].

Теоретическую базу исследования составляют: а) филологические и лингвокультурологические работы, посвященные истории и поэтике русского рока (Н. Барановская, И. Кормильцев, О. Сурова); б) социоисторические (Б. Г. Капустин), социокультурные (Х. Гюнтер), философские (Н. А. Бердяев) исследования механизмов формирования и функционирования «революционного сознания» в пространстве культуры; в) авторские разработки в области когнитивной семиотики личности/текста/дискурса.

Современные исследования показывают, что революционные (в широком смысле) общественные трансформации становятся предметом и пафоса, и рефлексий, тем более глубоких и мучительных, чем утопичнее горизонт чаяний и стремлений творческой личности. Особую роль здесь играет характер и самого рок-движения. Так, едва ли не главная характеристика «героической» (контркультурной) эпохи русского рока, базовое ее противоречие – это, при всех гимнах свободе и свету, преобладающий бунтарско-разрушительный пафос, в то время как «режим, с которым воевал “рок на баррикадах”, оказался колоссом на глиняных ногах, пугающим призраком» [13, с. 37].

В пространстве «героической эпохи» рок-культура переходит к агрессии, усиливая наступательный пафос. Четко определить объект противостояния сложно, так как деструктивность рок-культуры характеризуется нелинейной направленностью, хаотичностью и спонтанностью: «Я встаю и подхожу к открытому окну, / Вызывая тем самым весь мир на войну. / Я взрываю мосты, / Но никак не пойму, кто их строил» (М. Науменко). Способы противостояния варьируются – это открытая агрессия (М. Борзыкин «Твой папа – фашист», М. Науменко «Гопники»), сатира (Ю. Шевчук «Мальчики-мажоры», К. Кинчев «Новый метод») и ирония (А. Башлачев «Подвиг разведчика», «Слёт-симпозиум») [7, с. 65]. При этом категория бунта становится одним из основных когнитивно-ментальных инструментов внутренней саморегуляции сознания свободной личности («Бунт изначально – это единственная реальность... Это точка здесь и сейчас, это самая главная цель, самоцель. Только через бунт, через войну возможен прогресс...») [6].

Так, в рамках формирования КПП СЯЛ К. Кинчева разрушение тоталитарной машины подавления личности и негативно воспринимаемой позднесоветской идентичности во имя свободы воспринимается субъектом-источником КПП как подлинный путь возрождения духовных идеалов. Данные установок («разбудить», «разрушить», «преодолеть» и т.п.) в «героическую эпоху» предельно актуализированы («Но если ты вдруг увидишь мои глаза в своем окне, / Знай, / Я пришел помешать тебе спать!»; «Распрямлюсь пружинной, / Подниму народ, / Вольная дружина / Собралась в поход» [1, с. 90, 113]). При этом формируются две взаимообусловленные разновидности одной и той же деструктивной стратегии когнитивного развития личности: а) «битва за жизнь»; б) «жизнь ради битв» [12, с. 51].

Данный когнитивно-прагматический опыт быстро оборачивается бессмысленным разрушением и саморазрушением (не случайна череда смертей и глубочайших кризисов в среде рок-кумиров на рубеже 1980-1990-х). Основная причина тотальной дисгармонизации всех подсистем КПУ с последующим разрушением целостности «героического» варианта КПП состоит – на примере К. Кинчева – в том, что рок-поэт абсолютизирует деструктивные «правила» контркультурной «игры на поражение». Он отрицает любые формы официальной (искусственной, ложной) «добродетели» работающей по античеловеческим принципам «системы», которые в рамках тоталитарной идеологии отождествлены с единой для всех волей-«законом»: «Те, кто боится огня, до сих пор воспевают сырые углы, / Они охраняют покой, что ж, им есть, что терять! / Они говорят о любви, возведя в добродетель закон, / Но когда всходило солнце, закон позволял им стрелять» [1, с. 95].

К. Кинчев был одним из тех, кто провозгласил «новый закон революционного переустройства реальности», основными принципами которого становятся агрессия, бунт, открытое противостояние, самопожертвование/самоуничтожение. Его понимание революции во многом совпадает с крайне радикальным «революционным героизмом» Е. Летова: «В поле дождик бродил живой, / Ковылял по щекам ледяным, / Поднимал в последний неравный бой / Тех, кто погиб молодым. <...> / Ветер зовёт. / Пуля манит. Небо поёт. / В небе пылает песня – / Пой, революция!» [14, с. 376].

Радикализм и агрессия проникают и в «перестроечные» композиции гораздо более «мирного» Ю. Шевчука: «Не говори мне, что ты не дерьмо, / Не кричи мне, что ты не овца... <...> / Нам известно, чем ты поешь. / Эй, извращенец, задерни штаны, / Нам плевать, что тебе невтерпеж. / Перестроище, сходи-ка на рынок, / Перестроище, купи там гуся, / Перестроище, и крути ему мозги, / Быть может, он поверит в тебя» [17].

Обобщая, можно сказать, что рок-поэты как творцы СТ, оказывающих большое влияние на массы, выступают в качестве специфического «революционного субъекта», intersubъективного и нестабильного по своей сути (ибо он есть «незавершенная структура гегемонии, способная вновь и вновь дестабилизировать себя на каждом новом этапе своего развития. Революционный субъект как коллективный многокомпонентный актер невозможен без организации и, следовательно, без отношения “ведущих” и “ведомых”... <...> Революционный субъект не просто конституируется революцией, но она сама есть его конституирование...» [9, с. 27]). При этом стремление к реализации «революционно-героического кодекса» воспринимается рок-поэтами («революционным субъектом») как единственно возможный способ обновления (перерождения) мира и человека, без чего будущего быть не может. Приведем характерное высказывание «пассионария» Е. Летова, ёмко раскрывающее внутреннюю природу, диапазон чаяний и сущность рок-революции: «Я считаю, что мы на протяжении всей истории человечества являемся “проводниками” определенной системы ценностей... <...> ...в нашей системе ценностей находятся и Христос, и Достоевский. <...> На протяжении всей истории идет война между... пассионариями, на которых все в общем-то и строится, анархистами, революционерами, их как угодно можно назвать, и конформистами. Поэтому все революционеры, которые были до нас – это наши определенные “воплощения”, наши “проводники”... <...> Мы не против коммунизма чевенгуровского (платоновского), то есть того коммунизма, который создал революцию 1917 года. Это были наши люди. <...> Я считаю так – мы являемся идеологами новой революции, новой религии. <...> “Настоящий коммунизм” ничем не противоречит православию. <...> Это идея равенства, братства, справедливости на земле. <...> Всё идет через огонь, через войну. Чтобы установить Царство Небесное, нужно это дело утверждать...» [6].

Заметим, что «воинственное» утверждение Е. Летова совпадает с мыслями молодого А. Платонова, который был убежден в том, что «царство Божие усилием берется», и он выражает уверенность, что не покорность приблизит царство Христово, а «пламенный гнев, восстание, горящая тоска о невозможности любви» (А. Платонов). Как Христос выгнал торговцев из храма, так пролетариат выметет буржуазию из храма жизни» [Цит. по: 4, с. 197].

Как показало время, независимо от того, каковы стратегические цели революции (разрушение «системы» / обретение не только политической, но и духовной свободы) и методы революционной борьбы (открыто деструктивные / либерально-демократические), каждая очередная революция тяготеет к тому, чтобы остаться ослепляющей сознание личности «вспышкой псевдосвободы». Вряд ли возможно «хирургически» (а революция и есть аналог крайне рискованной хирургической операции на общественном уровне) «вылечить мир», несовершенство которого предопределено самим фактом его существования. Революцию в сознании ее же деятелей нередко сопровождают призраки «растрашиживания» ее достижений и, конечно, террора, а также «предчувствие гражданской войны», озвученное в данном контексте Ю. Шевчуком («Когда слово “Вера” похоже на нож, / Когда плавятся книги да колокола, / Когда самоубийство честнее всего, / Когда вместо ритма нервная дрожь. / И в сияющем храме лики святых / Тебе говорят, что церковь – не ты. / Что ты поешь, когда у тебя / Вместо смерти – похабные сны? / Предчувствие Гражданской войны...» [19, с. 60-61]) – и полемически «аукнувшееся» в позднейшей композиции К. Кинчева как предостережение от «оранжевой» революции и революций вообще: «От взлёта до падения дистанция – блик. / Кто стал сегодня тенью, вчера был велик. / Изменчива фактура, капризна стезя, / Во власть приходят не тормоза. / Адептов передела сольют за бугор, / На пепле революций возродится террор. / Оранжевые сопля – очкариков сны / В предчувствии гражданской войны...» [10].

В результате самоосмысления (комплекс оценочно-результативных когнитивно-прагматических установок в рамках потерявшей целостность и монолитность общей «революционно-героической» КПП) рок-поэтов строится на контрасте глобальной возвышенной цели («Мы хотели быть целыми») и неудовлетворительного «итога» в диапазоне от трагического (особенно если речь идет о гибели друзей и коллег) до горько-иронического («Да всё профукали, да всё профакали») – ввиду отката миро- и самоощущения от «героического» состояния к привычному, которое предстает пошлым и низменным именно на фоне ожиданий: «Мы хотели быть красными, / Но нас не хватило надолго, / Мы хотели быть сильными, / В этом не было никакого толка. <...> / Мы хотели быть полными, / Продавали своё и чужое тоннами, / Мы хотели быть верными, / Проверляли друг друга стаканами мерными. <...> / В пепел, в пепел» [16].

В эпоху «революционного взрыва» псевдоконструктивная «реактивно-героическая» активность индивидуального/коллективного (массового) сознания воспринимается как средство, которое способно изменить (спасти) мир. На самом же деле практически ничего не меняется. Революция оставляет субъекту бунта только «пепел» и обрывки воспоминаний о сиюминутном «революционном экстазе», а также весьма небольшой выбор для новой самоидентификации: «Контркультура как стиль, например, плевков на стене. / Революция как модный прикол, лозунги дискотек. <...> / Тащись от крутизны депрессий, кляни буржуев / Или нигеров с хипами – кошки-мышки – итог, в общем, един: / Тебе пришьют этикетку, прикид в стиле и пару значков / И программой в мозги веру: ты здесь такой один / По дороге на полку в кукольный магазин» [15, с. 166].

Закономерность данного процесса укоренена в самой природе радикальной революции, а именно в принципе «двойного отрицания», с помощью которого она одновременно конституирует себя в качестве «основополагающего события» и тут же проводит свою легитимацию в этом качестве. Так, «непременное условие начала революции как таковой есть стягивание всех (или значительной части) разнородных и разнонаправленных сопротивлений в один узел, т.е. придание им единого смысла и единой направленности противостояния “режиму”» [9, с. 27]. «Великая рок-революция» в СССР второй половины 1980-х годов выразилась прежде всего в формировании специфического духовно-эстетического контркультурного пространства, в рамках которого возникли множественные «очаги рок-сопротивления». Его центры – Ленинградский рок-клуб, Московская рок-лаборатория, Свердловский рок-клуб, на базе которых формируется единое рок-движение, главной целью которого становится

борьба за свободу. «Второе самоотрицание революции есть “снятие” ею собственного событийного характера и даже сокрытие его посредством представления себя в качестве *неизбежности*. В рамках историзированного мировидения, которое в решающей мере – продукт самой революции, она принимает облик неизбежного проявления законов истории... <...> ...как и почти любой крупный политический маневр, этот маневр может быть успешен тогда, когда в него *искренне* верят» [Там же, с. 28-29].

Именно эта глубокая искренняя вера в демократию, возрождающую силу перемен и свободу личности заставляет К. Кинчева «выйти на баррикады» в августе 1991-го года. Заметим, что сам поэт оценивает свой личный «революционный опыт» весьма негативно. Однако именно он позволяет К. Кинчеву осознать, что в «революционной игре» на уничтожение программ-идеологий победителей быть не может, так как рядовые участники «битвы за свободу и справедливость» (бросающиеся под танки простые люди) в действительности всего лишь марионетки, обезличенный «биоматериал» революционной стихии: «**Антон Гришин**: Среди активных участников в августе 1991-го года К. Кинчев, наверное, в первой десятке был. <...> Протестовал, как умел – песни пел. После победы демократии получил за “свои” “баррикады” медаль “Защитнику свободной России”. Заслужил – носи, а он не носил, а спустя три года и вовсе от неё отказался – сразу после начала войны в Чечне, в самый разгар второй русской революции. **Константин Кинчев**: Всё было... Всё было по-настоящему... И ощущение победы, и гордыню свою потешил – вот какой я молодец... <...> Меня отрезвило “Беловежское соглашение”, а потом в 1993-м году я уже никуда не пошел. Хотя и с той, и с другой стороны призывали... Что касается “красной гадости”, мне было все ясно задолго до 1991-го года. А демократическая фальшь и гадость опять же уже начала настораживать...» [5].

Таким образом, К. Кинчев в полной мере начинает осознавать всю фиктивность и противоестественность псевдогуманного, деструктивно-фанатичного («слепого») революционного героизма. Его сущность предельно точно определил А. Непомнящий. Этот тип героического «отчуждения/самоотчуждения» поэт называет «революционным искушением», воплощенном в тотальном стремлении героя-бунтаря к переживанию перманентно возникающего абсурдного «революционного наслаждения»: «Есть искушение, что поможет топор, / Но и это – капкан: господин прокурор / Подрисует копыта, подрисует рога, / Чтобы ангелами слыли мрази-города. <...> / Есть искушение, что больше не поможет ничто: / В чёрном небе за окном сплошные “зеро” / С единицами, и люди занимают места, / Согласно билетам, в графы прайс-листа» [15, с. 214-215].

«Герой» революции – это всего лишь обезличенный механизм, искусственно созданный в результате противоестественного эксперимента по «перестройке сознания масс». Он отчаянно пытается сохранить в себе живое, но утрачивает способность к его идентификации. Его сознание становится частью революционно-деструктивной схемы. Революция и порожденный ею «субъект-репликант» неотделимы друг от друга. В результате каждая новая попытка «возрождения» только усиливает «мутационные» процессы трансформации сознания героя-механизма, которого К. Кинчев называет «гормональным мутантом». Однако на определенном этапе эксперимент власти («доктора Франкенштейна») над своим народом выходит из-под контроля. Это приводит к тому, что «гормональный мутант» начинает воспринимать себя лидером дезориентированной толпы («революционной биомассы») и пытается угрожать системе: «Я посажу вас на колени, я заставлю пить портвейн, / Ведь вы теперь – мой пациент, доктор Франкенштейн» [11].

Теперь «герой», уподобляясь породившей его «системе» (творцу-Франкенштейну великого передела мира / перекодировки духа нации), стремится провести «свой» эксперимент, который Е. Летов метафорически называет «соприкосновением бубенчиков резанных рук». Основной целью данного эксперимента должно стать преодоление-разрушение «обывательского» (рабского) мышления, поэтому так маргинально-суицидальны «Обнажённые вены / Иллюзорные линии на бумаге / Среди заражённого логикой мира» [14, с. 356].

Несколько другую интерпретацию «революционного рок-эксперимента» предлагает Ю. Шевчук. Он воспринимает его как своеобразный когнитивно-ментальный опыт концептуально-смысловой деконструктивной перекодировки ключевых категорий романтического сознания. Перекодируются такие категории, как *победа* («Два пальца вверх – это победа! / И это – два пальца в глаза»), *вера, добро* («Революция, ты научила нас / Верить в несправедливость добра»), *борьба* («Мы бьемся насмерть во вторник за среду, / Но не понимаем уже четверга»), *сострадание* («Что вам на завтрак? Опять Иисус? / Ешьте, но знайте – мы вас не простим!»). При этом основным инструментом овеществления представленных категорий становится «святой костер» революции [18].

Однако ничто не может изменить для рок-революционера неудовлетворительности общего «китога». «Герой» растерян, дезориентирован. Он сам себе не принадлежит: «И что же нам делать? О чем же нам петь? / Над чьими плечами моя голова?...» [Там же]. Сам же «китог», будучи однажды осмыслен, с годами не меняется (ведь в основе нынешнего «застывшего» времени лежит неприглядный «послереволюционный» мир, сохранивший худшее из старого и не обновленный по-настоящему): «Сколько мы не пели – всё равно, что молчали, / Поэтому мертвой стала наша святая вода. / По нам проехали колеса печали – / И вот мы идем на Праздник Урожая во Дворце труда. / Время уклоняться, но как уклониться? / Уйти с этой зоны? Вырвать из себя провода? <...> / Мы знаем, что машина вконец неисправна. / Мы знаем, что дороги нет, и не было здесь никогда...» [3].

«Логика» революционного террора-обновления в действительности представляет собой очередную симулятивно-деструктивную проекцию тотально-деструктивной «логики застоя» – антиутопического рая/ада, созданного самой «системой». В результате этого «удавшегося» эксперимента «герой»-революционер обретает ряд весьма сомнительных способностей. Наиболее точно их специфику определил Е. Летов: «Я научился кусать потолок. / Я научился писать на воде. / Я научился орать в пустоту. / И мешать деревьям стоять на месте. / Среди заражённого логикой мира» [14, с. 357].

Вышеприведенные выводы К. Кинчева, сделанные после участия в августовском перевороте 1991-го года, во многом созвучны мыслям Н. А. Бердяева о русской революции 1917-го года: «Ход русской “революции”

не есть драма, развивающаяся от одного акта к другому. В ней нет истинного драматизма, нет истинных героев... <...> Мы переживаем не столько революционную, сколько смутную эпоху. Все отравлены в эту эпоху, все безрадостны, все несчастны, у всех муть в глубине души. Сами делатели “революции” не чувствуют радости и подъема, в них нет настоящей веры... <...> Все революционные идеи давно уже выветрились, все революционные слова опошлелись... <...> Нельзя вынести этой зияющей пустоты всех революционных понятий!» [2, с. 87].

В условиях контркультурной среды уже на уровне формирования сущность «великой миссии» поэта-пророка-героя-борца предельно упрощается. Она сводится к следующему: опираясь на «революционную» идею преобразования действительности, «я» (поэт) должен путем бескомпромиссной борьбы («компромисс не для нас» [1, с. 94]) пробудить сознание каждого, кто способен услышать; изжить из себя и всего нового поколения «рабское чувство» страха перед подавляющей «системой»; «переродиться», стать свободным и разрушить «тоталитарные догмы». Изначальная концептуально-смысловая неустойчивость идеи рок-революции приводит к тому, что в конце 1980-х годов пропагандируемый К. Кинчевым и другими рок-поэтами «революционно-мазохистский эксперимент» полностью утрачивает свое конструктивное содержание. Целью революции становится сама революция, точнее симулятивно-рефлекторный процесс ее «совершения». Предельно четко сущность этого бессмысленного, бесцельного и болезненно-шизофренического процесса определил Е. Летов: «Трогательным ножичком пытать свою плоть. / До крови прищемить добровольные пальцы, / Отважно смакуя леденцы на палочке. <...> / На патриархальной свалке устаревших понятий, / И использованных образов и вежливых слов. / Покончив с собой, уничтожить весь мир» [14, с. 328].

Абсолютно точным оказывается давний диагноз всё того же Н. А. Бердяева: «Преклонение перед земной богиней, именуемой революцией, есть рабство духа и идолопоклонство. <...> Если уж признать революцию существом, персонифицируя ее, то нужно признать ее грешным земным существом, порожденным греховным прошлым человечества. Существо это полно всех слабостей человеческих, всех дурных человеческих страстей. <...> Русская революция – провиденциальна, в ней есть очистительная гроза и очистительный огонь, в ней сгорает старая ложь. Но в этой же стихии образуется новая ложь, и многое старое является в новой лишь форме. Свобода – божественная ценность... <...> Революция же сама по себе не божественна по натуре, по естеству, она – лишь неизбежна. <...> Силы освобожденные, но не преображенные, направляются против свободы, не любят свободы, не дают дышать воздухом свободы. Революция есть... <...> лишь вскрытие гноя на теле России» [2, с. 65-69].

Итак, в результате проведенного исследования мы пришли к следующим **выводам**. Общая направленность когнитивно-прагматической программы представителей русского рока на рубеже 1980-1990-х годов носила ярко выраженный деструктивный характер. Если окинуть взглядом суммарную автоинтерпретацию отечественной «рок-революции» ее активными деятелями, то бросается в глаза, что, при всей бунтарской и раскрепощающей «пассионарности» суггестивного романтического героизма (когда – используем формулы самой рок-культуры – «скованные одной цепью» яростно «ждут перемен» и добиваются их), не происходит ни подлинного «освобождения», ни чаемого «прорыва» к «новой» жизни – как море после шторма, грязное взбаламученное пространство «предлагает» лишь разнообразные виды разрушений (внешних и внутренних).

В этих условиях кардинально меняется когнитивно-ментальный статус «революционного субъекта», который из «героя-борца» превращается в «разрушителя». Соответственно, ключевые категории революционно-романтического сознания (победа, вера, добро, борьба и др.) перекодируются, а сами рок-поэты фиксируют различные формы и фазы разрушения (вплоть до суицидальности и абсурдности) «героической» КПП.

Тотальная деструктивизация и целевая дезориентация логики моделирования и реализации «революционного рок-эксперимента» обусловлены тем, что разрушение тоталитарной машины подавления личности и негативно воспринимаемой позднесоветской идентичности воспринимается рок-поэтом как подлинный путь к свободе и духовному возрождению. Однако деструктивный радикализм, культ бунта, героизация самопожертвования/самоуничтожения превращают «порыв к свету» в свою противоположность. В условиях контркультурной среды КПП рок-поэтов строится на контрасте глобальной возвышенной цели и неудовлетворительного «итога» в диапазоне от трагизма до тотальной иронии.

Принципиальным является то, что данное исследование – только первый шаг на пути решения общей метадисциплинарной проблемы проведения когнитивной самоинтерпретации (самоанализа) креативной личности в контексте моделирования и трансформации базовых (целевых, самоидентификационных и оценочно-аналитических) подсистем КПП. Исходя из этого, обозначим наиболее перспективные направления дальнейших исследований. К ним относятся: а) изучение когнитивно-ментальных процессов деструктивной революционизации сознания творческой личности; б) анализ механизмов перекодировки и преодоления ложных (аффективно-симулятивных) установок «революционного субъекта» в процессе перехода от одного цикла моделирования КПП к другому.

Список источников

1. Барановская Н. Константин Кинчев. Жизнь и творчество. Стихи. Документы. Публикации. СПб. – Смоленск: Новый Геликон; ТОК, 1993. 239 с.
2. Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: АСТ; Хранитель, 2006. 448 с.
3. Гребенщиков Б. Праздник урожая во Дворце Труда [Электронный ресурс]. URL: <https://teksty-pesenok.ru/rus-akvarium-bg/tekst-pesni-prazdnik-urozhaya-vo-dvorce-t/5226604> (дата обращения: 05.06.2019).
4. Гюнтер Х. По обе стороны от утопии: контексты творчества А. Платонова. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 208 с.

5. **Дети великого августа** [Электронный ресурс]: док. фильм (2001). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Udb9yuZYzgo> (дата обращения: 08.06.2020).
6. **Егор Летов о революции и революционном коммунизме** [Электронный ресурс]: интервью (1994). URL: <https://yandex.ru/video/search?filmId=6768662666192435138&text=егор летов о русской революции> (дата обращения: 04.06.2019).
7. **Иванов Д. И.** Теория синтетической языковой личности: в 2-х т. Иваново: ПресСто, 2016. Т. 1. Логочентрическая модель синтетической языковой личности: структура и общие вопросы (на материале русской рок-культуры). 360 с.
8. **Иванов Д. И., Лакербай Д. Л.** Когнитивная гуманитарная семиотика: в 2-х кн. Иваново: ПресСто, 2020. Кн. 2. Терминология. Аналитические портреты. 256 с.
9. **Капустин Б. Г.** О понятии «революция» // Революция как концепт и событие: коллект. монография / ред. А. А. Вартумян, С. Г. Ильинская, М. М. Федорова. М.: ЦИУМиНЛ, 2015. С. 6-31.
10. **Кинчев К.** Власть [Электронный ресурс]. URL: <https://reproduktor.net/gruppa-alisa/vlast/> (дата обращения: 12.01.2020).
11. **Кинчев К.** Доктор Франкенштейн [Электронный ресурс]. URL: <https://mychords.net/alisa/3974-alisa-doktor-frankenshtejn.html> (дата обращения: 14.01.2020).
12. **Кинчев К.** Еще 30 песен. М.: АНТАО, 2002. 80 с.
13. **Кормильцев И., Сурова О.** Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь: ТвГУ, 1998. С. 5-39.
14. **Летов Е.** Стихи. М.: ХОР; Нота-Р, 2003. 512 с.
15. **Непомнящий А.** Стихотворения / сост. О. Непомнящая, Е. Кувтырева. М.: Выггород, 2013. 236 с.
16. **Чиграков С.** Пепел [Электронный ресурс]. URL: https://the-fasol.com/page_text.php?id=27518 (дата обращения: 08.06.2020).
17. **Шевчук Ю.** Перестроище [Электронный ресурс]. URL: <https://reproduktor.net/ddt/perestroishhe/> (дата обращения: 17.01.2020).
18. **Шевчук Ю.** Революция [Электронный ресурс]. URL: <https://reproduktor.net/ddt/revolyuciya/> (дата обращения: 17.01.2020).
19. **Шевчук Ю.** Солнык: альбом стихов. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Новая газета; Книжный Клуб 36.6; Новый регион, 2009. 208 с.

“Forces Released but Non-Transfigured”: Cognitive Self-Interpretation of “Revolutionary Rock Experiment”

Ivanov Dmitry Igorevich, PhD

*Xi'an International Studies University, the People's Republic of China
Ivan610@yandex.ru*

Relying on his original methodology, the author for the first time analyses collective cognitive experience of participants of a “revolutionary rock experiment” of the end of the 1980s – the beginning of the 1990s and it constitutes scientific originality of the study. The research material includes texts of the Russian rock poetry. The research objective involves identifying specificity of destructiveness of the “revolutionary romanticism” trend of the domestic rock culture. The findings indicate that within counter-cultural environment, the rock poets’ cognitive-pragmatic program was based on the contrast of the global elevated goal and the disappointing result. The key categories of revolutionary romantic consciousness (victory, faith, kindness and struggle) are recoded, and the rock poets trace gradual destruction of the “heroic” cognitive-pragmatic program to the point of suicide and absurdity.

Key words and phrases: cognitive-pragmatic program; synthetic linguistic personality; destructivity; revolution; simulation; self-destruction; “heroic epoch” of Russian rock.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.48>

Дата поступления рукописи: 02.05.2020

Цель исследования состоит в выявлении наиболее частотных когнитивных механизмов затемнения информации, лежащих в основе уклонения, на материале интервью телевизионных ток-шоу. **Научная новизна** работы определяется тем, что особенности реализации коммуникативной стратегии уклонения в теледискурсе впервые рассматриваются с когнитивно-прагматических позиций. **Полученные результаты** показали, что одним из наиболее распространенных когнитивных механизмов в стратегии уклонения является механизм полной смены референтной ситуации / события / объекта, который реализуется на вербальном уровне в том числе при помощи таких лексических и синтаксических средств, как наречия, вводные слова и контрвопросы.

Ключевые слова и фразы: стратегия уклонения; уклонение; теледискурс; ток-шоу; когнитивные механизмы; смена референтной ситуации / события / объекта.

Исаева Снежана Николаевна

*Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, г. Москва
isaevasn27@gmail.com*

Коммуникативная стратегия уклонения в теледискурсе: проблемы анализа

В телевизионном дискурсе, в частности, в одном из его жанров – ток-шоу, участники коммуникативной ситуации, как правило, выражают свое намерение, руководствуясь выбором определенных языковых средств.